

Социальное время как ресурс территориальных общностей

Сведения об авторе. Ю. А. Дроздова, доцент кафедры философии и социологии Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС (Волгоград, РФ).

Аннотация. Социальное время является объективной виртуальной реальностью, соединяющей биологическую, психологическую и социальную жизнь человека, формой существования человеческой культуры и организации социальных взаимодействий и жизнедеятельности. Территориальные общности, формирующиеся длительное время на определенной территории, имеют устойчивые экономические, социальные, политические, духовные связи, отношения и взаимодействия, локализованные во времени. Мало разработанный, междисциплинарный концепт времени на сегодняшний день не позволяет оценить значимость данного социального ресурса для развития территорий. В статье предпринята попытка сформировать исследовательский дискурс влияния темпоральных характеристик на территориальные общности провинциальных регионов.

Социальное время территориальной общности имеет два вектора измерения – хронологический и темпоральный. Хронологический вектор позволяет рассмотреть территориальные общности (например, жителей городов и сельских поселений) согласно метрическим показателям: продолжительность, длительность существования и функционирования, скорость социальных процессов, последовательность этапов развития, «биографию» территориальной общности. Темпоритмы, «чувство времени», темпоральные ценности, эмоциональное переживание и наполнение времени событиями, – эти и другие характеристики образуют темпоральные связи и отношения территориальных общностей.

Изменение отношения к времени как ресурсу территориальных общностей, способному капитализироваться, конвертироваться, имеет практическое значение для эффективного управления территориями. Удовлетворенность территориальных общностей местом своего проживания и взаимодействия в настоящем и будущем, повышение качества жизни, развитие пространственных и временных преимуществ региона, деятельность региональной и муниципальной власти, улучшение ее репутации, формирование доверия, – являются условиями и важными социальными ресурсами преодоления социального неравенства, имеющего, в том числе, и территориальные признаки, и возрождения провинциальных регионов.

Ключевые слова: социальное время; территориальные общности; социальные ресурсы; пространственно-временной континуум; темпоральность; хронотоп.

Социальное время является предметом междисциплинарного рассмотрения, и основными подходами на сегодняшний день в исследовании его феномена, структуры, признаков и других, сложно структурированных показателей, являются философский, исторический, социально-психологический, экономический и социологический.

Согласно данным подходам, время рассматривается и как необходимое условие протекания процессов человеческого познания, мышления и деятельности; и как критерий оценки социальных качеств людей и вещей, и форма синхронизации и согласования взаимодействия социальных субъектов [11, с. 164–165]. Социологи трактуют время и как способность, связанную с психическими процессами личности (индивидуальное время) и групп людей (коллективное время) отражать в сознании систему отношений между событиями, вещами, людьми, которые имеют темпоральные свойства (скорость, ритм, последовательность и продолжительность и др.) [17, с. 493–510]; и как «форму бытия социальных общностей, являющуюся необходимым условием человеческой деятельности, ее структурной расчлененности и исторического развития с учетом продолжительности общественных процессов» [9, с. 150]. Множественность определений социального времени позволяет говорить о полипарадигмальности в исследовании социального времяведения.

Социальное время в социологии объективируется в образе жизни социальных общностей, групп, личности, имеет субъективные и объективные показатели, когнитивные, эмоциональные, поведенческие составляющие, может быть измерено, зафиксировано в различных формах темпоральной активности социальных субъектов [20; 3; 4].

Субъекты социального времени в контексте данной статьи – территориальные общности (горожане и жители сельских поселений) – абстрактную категорию времени превращают в реальную форму и условие жизнедеятельности социальных акторов, определяя особенности их среды, образа жизни, поведения, культуры, ценностей, образуя сеть взаимно отраженных отношений и взаимозависимостей [17].

Изучение данных территориальных общностей возможно только в рамках определенного пространственно-временного континуума. Пространственно-временной континуум представляет когнитивную модель, позволяющую осмыслить определенную территорию в единстве пространственных и временных характеристик, которые образуют со-временность, формируют «чувство общности» [13, с. 49], определяют историю (судьбу) и событийность территориальных общностей в контексте линейно-нелинейного хронотопа [10, с. 74–75].

Территориальные общности являются предметом исследования различных наук – истории, этнографии, географии, демографии, экономики, статистики, социологии [12, с. 6; 16]. Как категория социологического анализа территориальные общности представляют совокупность людей на определенной территории, связанных устойчивыми социальными практиками, воспроизводимыми во времени и пространстве. Территориальные общности в зависимости от их актуализации в своем основании имеют демографическую, поселенческую, этническую (национальную), культурную, духовно-правовую, профессиональную составляющие.

Согласно общностному подходу, традиция которого была заложена в работе Ф. Тенниса [16], территориальные общности (жители сельских поселений в большей степени, чем горожане) образуют *Gemeinschaft* («община») – «круг близких», к которому можно отнести семью, друзей, соседей с доминированием эмоциональных, аффективных связей, отношений, чувства привязанности.

В основе формирования социальной организации типа *Gesellschaft* («общество») находится целевая группа, занятая определенным видом деятельности. Отношения между людьми строятся как отношения между «чужими», основываются на интересе, понимаемом как выгода и полезность «других для меня» по итогам рационального обмена.

В качестве рабочей гипотезы позволим предположить, что в территориальных общностях преобладает смешанный тип «общинных» и «общественных» связей, при некотором доминировании у общности сельских жителей «общинных связей». «Традиционные» общностные основания (общность по крови, родству, по месту, судьбе, религии, дружбе и т. д.) дополняются и, на наш взгляд, вытесняются в характеристике всех территориальных общностей общественными характеристиками – сходством по месту в социальной структуре, достатку, доступу к власти, по занятию (профессии) и уровню образования. Данные процессы, с одной стороны, благодаря темпоральным характеристикам сближают территориальные общности жителей города и сельских поселений. Но, с другой стороны, между данными территориальными общностями образуется все больше важных и существенных различий. Эти различия заключаются в определении значимости самой общности, в структуре, плотности населения и масштабе территории, в уровне развития инфраструктуры, качестве и образе жизни, темпоральности социальных практик (интенсивность, скорость, количество, «чувство времени», особенно, что касается вне рабочего и свободного времени) [20, р. 16]. Предположим, что эти процессы имеют разновекторные тенденции к сближению и противопоставлению жителей городов и сельских поселений на современном этапе.

Социальные ресурсы как объективный признак территориальных общностей являются основным условием возникновения, развития и существования, «стрелой общности», используя философскую метафору. Социальные ресурсы территориальной общности включают время и пространство, человеческие ресурсы, потребности населения, возможности и ограничения в их удовлетворении, сложившуюся систему управления и самоорганизации, различные виды капитала и их конвертацию в различных полях (экономическом, культурном, символическом и т. д.), согласно концепции П. Бурдьё [5; 6]. Именно наличие/отсутствие социальных ресурсов может являться как консолидирующим, так и дезинтегрирующим основанием для территориальных общностей.

Тип территориальных общностей, их размеры, источники приращения/убывания населения, цели, задачи, стратегии, определяющие деятельность людей, обусловлены имеющимися/отсутствующими социальными ресурсами. Социальные ресурсы территориальных общностей изначально имеют важную составляющую для удовлетворения внутренних потребностей членов территориальной общности (жизнеобеспечивающих, экзистенциальных и более высокого порядка – в солидарных связях, национально-этнических, трудовых, досуговых, образовательных, культурных отношениях, самореализации и самоактуализации) [18]. Но социальные ресурсы территориальных общностей обеспечивают и внешние их связи с другими общностями и территориями.

Так, имидж территории, являясь комплексным многокомпонентным социальным ресурсом, с одной стороны, выступает отражением черт ментальности и традиций населения территории, его истории, побуждает к активному взаимодействию членов территориальной общности, оказывает прямое влияние на развитие поселения/города/региона страны, способствует формированию территориальной идентичности и сглаживанию этнических противоречий. Но, с другой стороны, имидж выступает средством привлечения инвестиций, туристов, выравнивания экономического уровня территорий. Следовательно, имидж территории как социальный ресурс является инструментом формирования территориальных общностей, актуализирует возможности управления ими для развития территорий.

Время как социальный ресурс территориальных общностей рассматривается в рамках темпорального подхода. Так, по мнению П. А. Амбарово́й и Г. Е. Зборовского, «социальное время выступает регулятором различных взаимодействий, осуществляемых внутри социальной общности. Благодаря темпоральной синхронизации (через установление единого ритма жизни, режима работы, праздничного календаря, стратегии развития) конструируются и поддерживаются единые для всех членов общности условия жизнедеятельности и ценностная картина мира» [1, с. 108].

Согласно концепции Э. Гидденса, выстраивание социальных связей и отношений возможно только на основе разделения территориальными акторами общего сектора времени и пространства [7, с. 118]. Общий сектор времени предполагает одновременность действий и потоков сознания («вместе растем, вместе работаем», «живем в одном городе/на одной улице»). Город, сельское поселение можно рассмотреть как общий сектор времени и пространства, который актуализирует исследование территориальной общности на микро- (уровень личности) и макроуровне (роль территориальной общности в региональном/государственном управлении).

Территориальные общности существуют в режиме трихронности («вчера – сегодня – завтра» в одном мгновении/ситуации), и, следовательно, полихронности (линейность – нелинейность, т. е. темпорального синергизма). Под влиянием времени территориальные общности переживают трансформации социальных связей: от конфликтности к солидарности [8, с. 340]; в специализации (сельскохозяйственный – промышленный регион), территориальных моделей социально-экономического поведения (ТСЭП) как специфической формы проявления территориального поведения [14]. Так, для жителей Волгоградской области, согласно типологии И. П. Рязанцева и А. Ю. Завалишина [14], свойственно патриотическое поведение, когда пространство региона и время войны являются ценностями, связанными с героической историей, наследием дедов и отцов, и каждое новое поколение эмоционально переживает свою принадлежность к данной территории, прошлому времени, которое «и вчера, и сегодня, и завтра».

Для исследования территориальных общностей Волгоградской области темпоральный подход является новым и чрезвычайно актуальным. Убывание населения, связанное с депрессивным экономическим положением региона и естественным старением населения [15], создает сложности в связи с отсутствием продолженных взаимодействий между поколениями и не создает темпоральных условий для устойчивой идентификации с регионом. По мнению информантов, принявших участие в экспертных интервью, в регионе «застыло время»¹. «Застывшее время» не может являться ни капиталом, ни ресурсом. Данные темпоральные характеристики связаны с героической военной историей. Для нашего региона Сталинградская битва – это не простая апелляция к определенным датам, она – повседневность территориальных общностей региона, переживаемая в пространстве военных символов, апелляций, ограниченной событийности (2 февраля, 9 мая), в ожидании памятных военных дат и их рефлексии.

В обычных условиях, или, используя определение Э. Гидденса, при «рутинных» [7], повседневных практиках территориальных общностей символическое пространство проявляется в выстраивании определенной системы ценностей и норм поведения жителей региона, формирует образ не только исторического региона, но и региона с «застывшим временем». Теракты в Волгограде, унесшие десятки жизней в 2013 году, вызвали не только боль и волну сочувствия, но и понимание того, что время войны остается в нашем регионе и его пространстве и когнитивным, и экспрессивным, и конативным символом трагического и мужественного региона [19, р. 165]. «Сталинград. Возвращение», – так описывались в СМИ события 2013 года [2, с. 21–28], которые сделали востребованным и наполнили новыми смыслами сакральное пространство региона, вновь изменив траекторию времени с настоящего на прошлое. Фонтан «Детский хорзод» на Привокзальной площади Волгограда, когда-то разрушенный во время массированных бомбардировок 1942 г., ставший одним из символов Сталинградской битвы, восстановленный летом 2013 г. как символ современного мирного региона, реанимировал во времени трагический смысл пространства на новом уровне символизации.

Осознание нелинейности времени и ее влияния на территориальные общности нашло отражение в высказываниях информантов: «...воинственный образ Родины – матери, он повлиял на то, что начало происходит в городе. Город стал заваливаться. Нельзя, чтобы над городом довлело что-то воинственное»; «это образ некоего музея на открытом воздухе».

Для Волгоградского региона создание, актуализация современных событий, наполнение пространства символами, не связанными с военной историей, ориентация на будущее региона, территориальных общностей способны изменить представление о Волгоградском регионе как социокультурном пространстве и социальной системе, слабовосприимчивой к инновациям. По мнению 31,5 % респондентов, в позиционировании региона не хватает устремленности в будущее, а также

¹ Экспертные интервью, проведенные автором статьи, в рамках реализации гранта РГНФ № 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (N = 50, апрель – сентябрь 2013 года).

«ориентации на современные достоинства и преимущества региона» (33,4 % опрошенных), при этом, 85,5 % респондентов справедливо полагают, что «Сталинградская битва должна оставаться неотъемлемой частью имиджа Волгоградского региона»².

Весомым аргументом реализации темпорального подхода в исследовании территориальных общностей может стать подготовка и проведение в регионе Чемпионата мира по футболу в 2018 году. На сегодняшний день маркетинговая технология освоения социальных ресурсов, в том числе, социального времени, пока остается неосвоенным ресурсом. Ресурсный подход в управлении территориальными общностями является стратегическим направлением в исследовании социального времени, так как настоящее и будущее территориальных общностей зависит от выбора действий в настоящем на основе доминирующего влияния прошлого ради поставленных целей в будущем [10, с. 75].

Время является наиважнейшим социальным ресурсом, структурирующим социальное пространство и деятельность акторов территориальных общностей. Хронологические и темпоральные характеристики создают возможности для развития территории, изменения травмирующего переживания истории, помогают минимизировать социальные риски, в силу линейно-нелинейной динамики времени превратить их в шансы для будущих позитивных последствий социальных трансформаций.

Литература

1. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. *Время социальной общности* : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 347 с.
2. Ахмедова М. Сталинград. Возвращение. Как город герой на Волге снова оказался на передовой // *Русский репортер*. – 2014. – 16–23 января. – № 1–2. – С. 329–330.
3. Бауман З. *Текущая современность*. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
4. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности*. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
5. Бурдьё П. *Начала. Choses dites* / пер. с фр. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.
6. Бурдьё П. *Структуры. Habitus. Практики* // *Современная социальная теория*: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск, 1995. – С. 16–31.
7. Гидденс Э. *Устроение общества: Очерк теории структуриации*. – М. : Академический проект, 2005. – 528 с.
8. Дроздова Ю. А. *Солидарность как основание формирования региональной идентичности* // *Социально-гуманитарные знания*. – 2011. – № 4. – С. 334–342.
9. Зборовский Г. Е. *Социальные общности и их временные характеристики* // *Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры*. – 2014. – № 1. – С. 148–157.
10. Каширин В. И., Каширина О. В. *Социальное времяведение. Философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования*. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2006. – 112 с.
11. Кемеров В. Е. *Время и пространство* // *Современный философский словарь*. – Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; М. ; Минск : ПАНПРИНТ, 1998. – 1064 с.
12. Михайлов А. С. *Границы территориальной общности* // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. : Естественные и медицинские науки*. – 2017. – № 1. – С. 5–20.
13. Почебут Л. Г. *Социальные общности. Психология толпы, социума, этноса*. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – 284 с.
14. Рязанцев И. П., Завалишин А. Ю. *Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ)*. – М. : Академический проект: Гаудеамус, 2006. – 464 с.
15. *Статистический анализ и краткосрочный прогноз численности населения Волгоградской области [Электронный ресурс]* // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. – 2017. – № 3 (51). – Режим доступа: <http://eee-region.ru/article/5101/> (дата обращения: 06.01.2018).
16. Тённис Ф. *Общность и общество*. – СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2002. – 451 с.
17. Штомпка П. *Социология социальных изменений*. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
18. Maslow A. H. *Motivation and Personality*. – New York : Harpaer & Row, 1954. – 164 с.
19. Parsons T. *Action, Symbols, and Cybernetic Control*, in Rossi, I. *Structural Sociology*. – New York : Columbia University Press, 1982. – P. 163–170.
20. Heidegger M. *Time and Being*. – N.Y. : Harper and Row, 1972. – 84 p.

---

² Опрос населения, осуществленный под руководством автора, в рамках реализации гранта РГНФ № 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (Волгоградская область, N = 1000, июль – сентябрь 2013 года).

J. A. Drozdova,

associate professor at the Department of Philosophy
and Sociology Volgograd Institute of Management
of Russian academy of National economy and public administration
(Volgograd, Russia)

SOCIAL TIME AS A RESOURCE OF SPATIAL COMMUNITIES

Social time is an objective virtual reality; it unites the biological, psychological and social life of humans. It is also a mode of existence of culture and of organizing social interactions and vital activity. Spatial communities evolving over a long time on certain territories have stable economic, social, political and spiritual ties, relations and synergies localized in time. The interdisciplinary concept of time which is not well studied does not permit an assessment of importance of this social resource for the development of communities. The present paper is an attempt to develop a research discourse on the impact of temporal parameters on spatial communities in provincial regions.

The social time of a spatial community has two measurement vectors: chronological and temporal. The chronological vector permits a study of spatial communities (like urban and country dwellers) according to certain metrics like duration, length of existence and of functioning, rate of social processes, the sequence of development stages, the biography of a spatial community. Timing, the sense of time, temporal values, emotional experience and filling the time with events – these and other characteristics build temporal ties and relations within a spatial community.

Changing the attitude to time as a resource of spatial communities that can be capitalized and converted is of practical importance for effective governance. Satisfaction with the place they exist in, enhancing the quality of life, developing spatial and temporal advantages of a region, activity of regional and municipal authorities, improving their reputation, and building trust are conditions for and important social resources in overcoming social inequality which shows, among others, spatial characteristics as well. All these factors are necessary to bring new life to the regions.

Key words: social time; spatial communities; social resources; spacetime; temporality; chronotope.